

Латентность в фрагментированной культуре: трудолюбие, принадлежность и построение культурного идеала

Лео Иванишевич¹

Частная практика, Белград · ORCID: 0009-0005-3590-8419

(обзорная статья)

Цитирование: Иванишевич Л. (2026). Латентность в фрагментированной культуре: трудолюбие, принадлежность и построение культурного идеала. *Инсайты*, 3, с. 89–108. DOI: <https://doi.org/10.67978/INSIGHTS.2026.3.4>

Аннотация

Латентная фаза в классической психоаналитической литературе описывается как период сублимации влечений и относительного покоя перед подростковым возрастом. В настоящей работе предлагается рассматривать латентность по существу как период, в котором ребёнок выстраивает ответ на два вопроса – где он принадлежит и по какому мерилу он ценен, – и утверждается, что в современной культуре этот процесс затрудняется тогда, когда ребёнок вместо одного целостного культурного идеала получает противоречивые мерила из семьи, школы, группы сверстников и цифрового мира. Работа связывает классический фрейдовский образ латентности с теорией объектных отношений, эго-психологией и психологией самости, систематически проводит их через модель восьми базовых развивающих компетенций личности (ОЛИ ИПП) и показывает, сквозь призму эриксоновской оси трудолюбие–неполноценность, как встречаются три на первый взгляд различных процесса: кохутовский декатексис грандиозности, кляйнианская интеграция агрессии и либидо и эго-психологическая синтетическая функция, – которые по существу описывают одну и ту же способность: перенести встречу с текущим ограничением (текущей неполноценностью) без срыва сублимации (то есть сохранить возможность продолжать стараться и видеть себя компетентными даже тогда, когда что-то не получается). Из этой теоретической рамки работа выводит конкретные терапевтические импликации для работы со взрослыми клиентами, несущими неразрешённые «проблемы школьного двора», проиллюстрированные композитным клиническим описанием.

Получено: 14. 8. 2026.

Принято: 5. 9. 2026.

Опубликовано: 20. 9. 2026.

OPEN ACCESS

© автор, CC BY 4.0

Ключевые слова: латентность, трудолюбие, культурный идеал, базовые развивающие компетенции личности, психология самости, эго-идеал, ОЛИ интегративная психодинамическая психотерапия

¹ E-mail: dreamheart89@hotmail.com

Введение

Почему латентность – наиболее пренебрегаемая фаза в психотерапевтической литературе? Ранним фазам Freud и эдипальной фазе посвящены сотни страниц объяснений, подростковому возрасту отведена целая отрасль возрастной психологии, а период между шестым и одиннадцатым годом жизни чаще всего уместается в несколько фраз о «покое влечений» и «сублимации», как будто в ребёнке в эти годы не происходит ничего особенного. Это странно, потому что именно в этот период ребёнок впервые самостоятельно выходит из семейного круга в более широкий социальный мир школы и группы сверстников, где впервые получает ответ на два вопроса, которые будут сопровождать его всю жизнь: где я принадлежу и по какому мерилу я ценен.

Настоящая работа исходит из тезиса, что латентность – это не период ожидания, а период активного построения. Ребёнок в этом возрасте строит то, что мы могли бы назвать культурным идеалом, – внутренний образ того, что сообщество ценит и вознаграждает, – и измеряет себя по этому образу через трудолюбие, достижения и принадлежность к группе. Erikson назвал эту задачу осью трудолюбия против неполноценности. Классическая формулировка оставляет открытым вопрос, что именно происходит, когда ребёнку не удаётся выстроить это чувство трудолюбия, компетентности, инициативности и продуктивности, и, что ещё важнее для современного терапевта, что происходит, когда сообщество, которое должно было бы предложить один целостный культурный идеал, вместо этого предлагает несколько взаимно противоречивых.

Потребность в такой реконцептуализации признаёт и современная литература: Maroudas, Wiseman и Harel (2023) предлагают сдвиг от образа латентности как «психосексуального покоя и психической ригидности» к среднему детству как периоду психического роста, развивающих вызовов и эмоциональной хрупкости (ребёнок, по их метафоре, «одновременно и волна, и частица» – в постоянном росте, но при этом структурирован).

У работы две цели. Теоретическая цель – показать, что классический фрейдовский образ латентности сам по себе недостаточно объясняет, что в этой фазе действительно происходит, и что три дополнительные теоретические линзы – объектные отношения, эго-психология и психология самости – открывают три лица одного и того же процесса, который модель восьми базовых развивающих компетенций О.Л.И. интегративной психодинамической психотерапии систематически связывает с классической психоаналитической теорией латентности в одно целостное изложение. Клиническая и современная цель – показать, что построение культурного идеала сегодня затруднено так, как не было известно во времена Freud, потому что ребёнок одновременно получает мерил из семьи, школы, группы сверстников и цифрового мира, которые редко согласуются между собой; взрослые клиенты, приходящие на терапию с неразрешённой «проблемой школьного двора», хронической неуверенностью в собственной ценности и своём месте в мире, часто несут именно последствие этой фрагментации. Работа завершается рассмотрением того, что это означает для терапевтической работы: как распознать противоречивые внутренние голоса, которые клиент интернализировал, и как помочь ему выстроить собственный, интегрированный культурный идеал. Всеобъемлющий обзор столетия изменений в понимании латентности – от психосексуальной теории Freud до современных

динамических системных моделей – даёт Knight (2014).

Классический фрейдовский образ латентности

Латентная фаза начинается после разрешения эдипального конфликта и длится до пубертата. Freud (1905) видел этот период как относительно спокойную паузу в развитии влечений, но «спокойная» здесь не значит пустая – необходимо много внутренней работы, чтобы этот покой был достигнут и сохранён. Чтобы сырые сексуальные и агрессивные влечения были обузданы и перенаправлены в учение, игру и социальную адаптацию, должны быть установлены три опоры.

Первая опора – относительно консолидированное супер-эго, психическая инстанция, которая не допускает прорыва сырого импульса. Freud (1923) описывает его формирование как интроекцию родительских запретов и ценностей – процесс, который превращает супер-эго из внешнего авторитета во внутренний. Без этой консолидации влечение не откладывается и не перенаправляется, а прорывается через отыгрывание или регрессивное поведение.

Вторая опора – эго, способное к сублимации. Freud (1923) приписывает эго собственную энергию, которая движет его к овладению реальностью, и именно эту энергию, вместе с той, что освобождается при подавлении влечения, эго в латентности направляет в деятельность культурного и социального значения. Известный образ всадника и коня (Freud, 1923) здесь получает конкретное содержание: конь временно обуздан благодаря супер-эго, а всадник ведёт его к новым, социально приемлемым целям.

Третья опора – внешняя: культура и группа сверстников предлагают реальные и символические объекты, на которые направляется энергия влечений. Школа, спорт, искусство и игра функционируют как каналы сублимации, ведущие к интеллектуальному и нравственному развитию, а не только к разрядке энергии (Freud, 1930).

От диады к триаде. Franieck и Günter (2010) помещают латентность в континуум более раннего пути развития: в самый ранний период ребёнок переживает мир исключительно через мать, в нарциссическом слиянии без чёткой границы между собой и другим, в том, что Freud (1930) называет океаническим чувством. С появлением отца как третьего ребёнок узнаёт, что отношения не являются исключительно слиятельными; отец функционирует как представитель закона, мира и культуры, а его присутствие прерывает эту раннюю нарциссическую диаду и вводит ребёнка в более широкий, реальный мир. Адекватное присутствие этой функции в эдипальной фазе делает возможной сепарацию, а в латентности этот же отец преобразуется в нечто более широкое: представителя школы, культуры и групповых ценностей. Именно в этом переходе укрепляется супер-эго, внутри которого далее развиваются два отдельных, родственных понятия.

Эго-идеал против культурного идеала. Это различие заслуживает особого внимания, поскольку в клинической литературе оно часто теряется. Franieck и Günter, опираясь на концепцию Freud из «Будущего одной иллюзии» (1927), описывают интернализацию культуры как двухступенчатый процесс. Первый уровень охватывает древнейшие, универсальные запреты (инцест, каннибализм, убийство), торможение которых делает возможным выживание цивилизации и разрешение которых через эдипальный конфликт формирует само супер-эго – то, что Freud называет носителем цивилизации. Второй уровень, активный именно в

латентности, охватывает вторичные, культурно специфичные ценности, которыми дополняется уже сформированное супер-эго. Эго-идеал происходит из нарциссических стремлений, связанных с индивидуальным совершенством и компетентностью, – то, чем ребёнок хочет стать сам для себя. Культурный идеал связан с нарциссической реминисценцией в направлении принадлежности к группе – то, чего группа требует от ребёнка, чтобы он принадлежал. Первый измеряет «насколько я хорош», второй измеряет «насколько я принадлежу», и дети в латентности строят оба мерилла одновременно, часто не сознавая, что это два разных требования. Reich (1954) сводит это различие к формуле: эго-идеал выражает то, чем кто-то хочет быть, а супер-эго – то, чем кто-то должен быть.

Происхождение понятия культурного идеала в самом творчестве Freud. Стоит подчеркнуть, что понятие культурного идеала, хотя Franieck и Günter (2010) его формализуют и именуют, не является их самостоятельной инновацией, а прямо проистекает из «Психологии масс и анализа эго» Freud (1921). Там Freud описывает, что индивид, присоединяясь к группе, может оставить собственный эго-идеал и заменить его групповым идеалом, который символически воплощается в вожде, поскольку вождь поглощает индивидуальные идеализированные черты каждого члена группы. Эта замена приносит чувство освобождения и триумфа – то же нарциссическое качество, которое, по Freud (1927), лежит в основе культурной гордости: удовольствие, которое культура даёт своим участникам, имеет нарциссическую природу. Оно покоится на гордости за уже достигнутое, и это удовольствие дополнительно укрепляется сравнением с другими культурами, избравшими иные идеалы. Franieck и Günter лишь именуют и эмпирически разрабатывают механизм, который Freud уже описал: культурный идеал – это групповой эго-идеал, принятый по той же нарциссической логике, по которой индивид принимает собственный.

Терминологическая эволюция: от идеального эго к супер-эго. Само понятие прошло через несколько преобразований в творчестве Freud, что объясняет, почему термины сегодня употребляются менее точно, чем следовало бы. В работе «О нарциссизме» (1914) Freud вводит идеальное эго и эго-идеал почти взаимозаменяемо, как инстанцию, которая наследует детский нарциссизм и измеряет реальное эго по этому идеалу – то, что мы сегодня назвали бы совестью. В «Психологии масс» (1921) термин идеальное эго оставляется, а идеал и «критическая инстанция» (совесть) сливаются в эго-идеал – первый корень того, что в 1923 году станет супер-эго. В работе «Я и Оно» (1923) супер-эго конституируется как отдельная инстанция, наследник Эдипова комплекса. Лишь в «Новых лекциях» (1933) Freud проводит тонкое различие: супер-эго – «носитель эго-идеала», а сам идеал остаётся связан с эдипальными родителями как идеализированными фигурами.

Более поздние авторы разрешают эту терминологическую неясность родственными способами. Loewald (1962) различает их по отношению ко времени: идеальное эго – это самая ранняя, нарциссическая ступень, на которой совершенство мыслится только в настоящем, поскольку различие между собой и миром ещё не установлено; лишь с интеграцией эдипальных объектов, в самом начале латентности, эта будущая проекция становится действительно собственной, и формируется супер-эго. Hammerman (1965), Chasseguet-Smirgel (1975) и Hanly (1984) приходят к родственному выводу разными путями: эго-идеал остаётся ближе

к первичному нарциссизму и более примитивной идентификации, супер-эго – ближе к Эдипову комплексу и вторичной идентификации. Общая нить, независимо от автора: эго-идеал – это вопрос «я хотел бы быть», супер-эго – вопрос «я должен быть» – различие, которое Reich свела в одном предложении.

Гарнизон и на уровне цивилизации. Freud (1916–17), в Лекции XXII своих «Вводных лекций в психоанализ», описывает развитие либидо военным образом: как армия, продвигающаяся по территории, где либидо на каждой точке развития оставляет гарнизон, часть сил, охраняющую эту позицию. Когда продвижение позднее наталкивается на сильное сопротивление, например в виде эдипального конфликта, оно отступает не наугад, а возвращается точно к той точке, где гарнизон был сильнее всего, где оборона уже подготовлена. Этот образ объясняет, почему фиксация на определённой точке развития, однажды установленная, с трудом покидается, даже когда внешняя опасность, вызвавшая её, давно прошла, – однажды размещённый гарнизон редко отступает сам собой, поскольку перегруппировка потребовала бы полного завоевания следующей территории развития, на которую следовало бы переместить гарнизон, что при текущих возможностях невозможно. Та же военная метафора появляется у Freud и на уровне самой цивилизации. В «Недовольстве культурой» (1930) Freud пишет, что цивилизация овладевает опасной агрессивностью индивида, ослабляя её и разоружая и устанавливая в нём инстанцию, которая над ней бдит, «подобно гарнизону в завоёванном городе». Супер-эго и само является гарнизоном, но гарнизоном, который цивилизация размещает внутри индивида во имя культуры, а не гарнизоном, который индивид сам себе строит в точках фиксации развития. Эти два значения одного и того же образа – одно индивидуально-развивающее, другое цивилизационное – показывают, насколько глубоко военная метафора была встроена в способ мышления Freud о том, как контроль, однажды установленный, поддерживается долго после того, как внешняя опасность миновала.

Franieck и Günter (2010) дополнительно углубляют это различие, связывая его с двумя слоями нарциссизма из классической теории. Вторичный нарциссизм, любовь к себе, проистекающая из интроекции и идентификации с объектом, есть корень эго-идеала – уже известная в психоаналитической литературе связь. Однако авторы добавляют, что и культурный идеал укоренён в нарциссизме, но в его более раннем, более первичном слое. Авторы опираются на Lou Andreas-Salomé (1962) и её идею о «двойной ориентации нарциссизма», согласно которой одно направление нарциссизма ориентировано на достижение индивидуальности, а другое – на слияние с целым, и вводят понятие импульса нарциссической реминисценции: бессознательного следа этой ранней, двойной ориентации, который остаётся встроенным в психику на протяжении всего развития, подобно корню растения, остающемуся в земле, пока стебель растёт к свету. Культурный идеал, утверждают авторы, не произволен, а представляет собой то, какую из двух возможных ориентаций (индивидуальность или слияние) данная культура выбирает в качестве своей основной матрицы. Их эмпирическое исследование это подтверждает: немецкие дети в исследовании строят культурный идеал вокруг индивидуальной компетентности, ориентации на достижение индивидуальности, тогда как бразильские дети строят культурный идеал вокруг семейного слияния, ориентации на соединение с целым.

Здесь стоит прояснить один кажущийся парадокс, поскольку легко можно было бы подумать, что принадлежность зарезервирована только за культурами, обращёнными к слиянию, тогда как индивидуалистическая ориентация ведёт к своего рода культурной непринадлежности. Это неверно. Обе ориентации в равной мере суть пути к принадлежности, лишь два разных пути к одной и той же цели. Бразильский ребёнок достигает принадлежности через слияние с семьёй и группой, через то, насколько хорошо он хранит общую связь. Немецкий ребёнок достигает принадлежности через индивидуальность, поскольку принадлежит культуре, которая распознаёт и вознаграждает компетентность, границы и независимость как ценность. Индивидуализм – это не «я нигде не принадлежу, и мне это не нужно», а «я принадлежу культуре, которая ценит именно такого рода самостоятельность». Короче говоря, эго-идеал опирается на вторичный нарциссизм и спрашивает «насколько я хорош по собственному, личному мерилу?», тогда как культурный идеал опирается на первичный нарциссизм и спрашивает «через какую из двух основных ориентаций, индивидуальность или слияние, моя культура осуществляет и вознаграждает принадлежность?».

Franieck и Günter (2010) добавляют, что этот процесс не является культурно нейтральным: культуры с более сильной, независимой концепцией самости вознаграждают выделение и соревновательность, тогда как взаимозависимые культуры вознаграждают согласованность и солидарность: два разных пути к одной и той же групповой сплочённости. Когда семейная культура не находится в конфликте с более широким социальным окружением, ребёнок легче интернализирует культурный идеал и развивает чувство принадлежности, которое дополнительно мотивирует учение и сотрудничество.

Доминирующие тревоги этого периода проистекают из той же консолидации. Freud (1923, 1926) отмечает переход от сексуально-агрессивной тревоги более ранних фаз к моральной тревоге, страху перед наказанием супер-эго, и реалистической тревоге, страху перед неудачей и утратой родительской любви. Novick и Novick (2005) добавляют тревогу, связанную с компетентностью и принадлежностью к группе, тогда как Gilmore (1990) описывает особую чувствительность детей этого возраста к исключению и пристыжению, которая проявляется как стыд и торможение или гиперактивная компенсация. В основе этих страхов лежит не голое выживание, а способность сохранить нарциссическое равновесие перед требованиями группы сверстников и культуры.

Расширение теоретической картины: три дополнительные линзы

Классическая картина объясняет, почему влечение стихает, но недостаточно объясняет, что ребёнок на самом деле строит, пока влечение стихло. Три теоретических направления – объектные отношения, эго-психология и психология самости – открывают три лица одного и того же процесса интеграции.

Латентность как новая проба депрессивной позиции. Klein (1935, 1940) помещает депрессивную позицию в первый год жизни: момент, когда младенец интегрирует хороший и плохой образ матери в единого, целостного человека и впервые становится способным к подлинной амбивалентности. Эта интеграция не достигается раз и навсегда; каждый новый развивающий вызов заново её испытывает, а группа сверстников в латентности – первый такой вызов вне

семейного круга: соперничество и дружба к одному и тому же человеку, неудача, которую нужно перенести без разрушения образа себя. Segal (1957) различает два исхода: подлинную репарацию, в которой ребёнок переносит разочарование и извлекает из него реальное усилие, и маниакальную защиту, которая бежит в компульсивное, триумфальное достижение. Различие видно уже во дворе после ссоры из-за мяча: ребёнок, переносящий амбивалентность, говорит «я зол на него, но он мне всё равно друг» и на завтра возвращается к игре; ребёнок, не переносящий её, расщепляет друга на полностью хорошего или полностью плохого.

Переход от игры к труду. Синтетическая функция эго Hartmann (1939/1958) объясняет, как ум связывает внутреннее желание с внешним ограничением в единый акт. В латентности эта функция получает конкретную форму: неструктурированная игра более раннего детства переходит в труд, деятельность, связанную с правилами, отложенным вознаграждением и внешней оценкой, – школьное задание, спортивную дисциплину, долгосрочный проект. Этот скачок есть эго-психологическая конкретизация сублимации: способность перенести отсрочку, принять правило и выстоять через фрустрацию до реального результата.

Трансформация грандиозной самости. Kohut (1971, 1977) описывает, как детская грандиозность, потребность быть совершенным и получать восхищение, постепенно превращается в реальные амбиции при условии оптимальной фрустрации. В латентности эту функцию отзеркаливания отчасти берёт на себя группа сверстников, которая несёт риск, не свойственный родительскому отзеркаливанию, – друг может открыто победить. Благополучное соперничество позволяет ребёнку испытывать грандиозность в реальных условиях, иногда проигрывать и оставаться связанным; когда этот процесс удаётся, грандиозность созревает в амбицию, выдерживающую поражение, а когда не удаётся, ребёнок остаётся зависимым от победы как единственного доказательства собственной ценности.

Bion (1977) видит грандиозность и принадлежность к группе как две противоположные силы, нарциссизм и социальность, опосредованные способностью «чувствовать с» и «чувствовать как» остальные члены группы; когда группа отвергает члена, возникает нарциссическая рана, угроза самому чувству ценности, а не просто обычная неудача. Rosenfeld (1987) и Green (2001) добавляют нюансы, препятствующие автоматическому отождествлению нарциссизма с патологией: Rosenfeld отделяет патологическое нарциссическое объектное отношение от нарциссической защиты, здорового строителя самоуважения, а Green различает позитивный, «жизненный» нарциссизм, стремящийся к интеграции, и негативный, «смертоносный», стремящийся свести инвестицию в себя к нулю. Цель латентности, таким образом, не в упразднении нарциссизма, а в его созревании: здоровый нарциссизм не противоположность социальной принадлежности, а, как предполагает Bion, её предпосылка, поскольку ребёнок без всякого самоуважения не имеет из чего выстроить способность «чувствовать с» другими.

Мы предлагаем читать эти три процесса – интеграцию амбивалентности, синтез желания и правила и созревание грандиозности – как три описания, с трёх разных ракурсов, развития одной и той же способности: способности перенести ограничение без срыва сублимации.

ОЛИ базовые развивающие компетенции в латентном периоде

О.Л.И. интегративная психодинамическая психотерапия рассматривает развитие через восемь базовых развивающих компетенций. Это функциональные способности к переработке эмоций и управлению ими. В отличие от механизмов защиты, они не искажают реальность. Они строятся постепенно, через упражнение, пока не автоматизируются, подобно ходьбе или речи.

Латентность – это второй шанс для всех них. Если некоторая способность к этому моменту была слабо развита, новое окружение, школа и группа сверстников, может её укрепить. Но точно так же, если окружение не даёт того, что необходимо, латентность может дополнительно закрепить уже существующий застой.

Нейтрализация и ментализация. Эти две способности работают плечом к плечу: нейтрализация стихает аффект и превращает его в энергию, направленную на решение проблемы, ментализация понимает собственные и чужие поступки как осмысленные, на основе желаний, потребностей и намерений. Латентность – второй шанс для обеих, при условии стабильного окружения, в котором взрослые спокойно реагируют на аффект и ребёнок смеет говорить о чувствах прежде, чем сразу на них реагировать. Без этого условия возникают два исхода: гиперинтеллектуализация, в которой ребёнок философствует о мотивах, но размышление никогда не превращается в настоящий акт (снаружи похоже на трудолюбие, внутри – застой), или отказ от размышления в пользу прямой разрядки через действие и рискованные решения, без предварительного обдумывания. Могга (2020), в случае ребёнка, одержимого темой бесконечности и смерти, осторожно ставит вопрос, может ли раннее философствование иметь и более здоровую сторону, когда оно разделено со взрослым, который понимает его эмоциональное значение, вместо того чтобы быть чистой защитой от тревоги.

Целостность и постоянство объекта. И эти две способности зависят от одного и того же условия: последовательного, структурированного окружения, действующего из позиции дружественной силы, авторитета, который одновременно твёрд и доброжелателен. Этот принцип подтверждают и наиболее успешные терапевтические подходы к более тяжёлым расстройствам, пограничному расстройству личности, зависимостям, антисоциальной организации личности: Winnicott (1960) назвал его удерживающим и вмещающим окружением, Jones (1953) разработал его в модель терапевтического сообщества, Linehan (1993; Linehan и др., 1991) встроила его в диалектическую поведенческую терапию. Школа и семья, которые вместе предоставляют такое окружение, укрепляют эту способность; когда им это не удаётся, в XXI веке всё труднее, потому что ребёнок сегодня проходит через семью, школу, группу сверстников и цифровой мир, ни один из которых больше не обладает монополией на его время и внимание, хаотичное поведение имеет всё более серьёзные последствия и затрудняет возвращение к сублимации в служении автономии.

Толерантность к фрустрации. Фрустрацию мы делим на четыре вида по фазе развития: оральную (принятие, ожидание), анальную (отдавание, контроль), фаллическую (соперничество, поражение) и нарциссическую (самость-объектные потребности слияния и идеализации). Сублимация превращает сырую, агрессивно-либидинозную силу, которую пробуждает фрустрация, в способность ждать, делиться и здорово состязаться; без неё возникает пассивное избегание или

отчаянное, нечестное требование удовлетворения немедленно. Нарциссическая фрустрация заслуживает особого рассмотрения: сублимация здесь превращает потребность в отзеркаливании и идеализации в зрелую амбицию, ребёнок учится тому, что отсутствие полного восхищения не упраздняет его ценность. Без овладения исход схож у всех четырёх видов: ребёнок избегает ситуаций, в которых могла бы появиться фрустрация, а это избегание со временем формирует всё более крупные жизненные решения, ценой того, что развитие в этой области навсегда останавливается.

Толерантность к амбивалентности. Эта способность есть прежде всего способность принять решение: чтобы сублимировать утрату, поражение или запретное желание, ребёнок должен перенести амбивалентность между предложенными выборами и собственными желаниями и возможностями, выбрать один вариант и остаться при нём. Segal (1957) связывает эту способность с депрессивной позицией: из способности перенести утрату целостного, любимого объекта выстроена сама способность к символизации, основа всякой сублимации. Klein (1957) добавляет, что благодарность, способность признать и принять добро, которое дал объект, вырастает из того же источника, что и репарация; мы предлагаем, следуя этой логике, что благодарность предшествует сублимации в ряду детского опыта. Латентность ежедневно предлагает малые возможности для этого упражнения через выбор занятий и друзей; когда выбор остаётся выносимым, толерантность к амбивалентности крепнет, а когда не удаётся, развиваются защитные паттерны, поверхностность, избегание решений, которые в подростковом возрасте начинают кроить дальнейшую жизнь.

Инициатива и воля. Эти две способности составляют то, что Erikson называет трудолюбием, и обе покоятся на сублимации: свободная воля приходит, когда ребёнок научается направлять упорное усилие к реальной цели, вместо того чтобы оставаться в плену контрволи или слепого послушания; развивающая инициатива приходит, когда ребёнок научается превращать риск экспонирования и состязания в продуктивное начинание, вместо безоглядного проталкивания вперёд или полного ухода. Латентность выделяет то, что эти два процесса впервые получают реальную, внешнюю сцену вне семьи: ребёнок, которому это удаётся, выходит с опытом того, что усилие и риск приносят результат, а ребёнок, у которого сублимация не удаётся, выходит с противоположным опытом, который становится основой для дальнейшего избегания во взрослой жизни.

Эти восемь компетенций не функционируют по отдельности. Ребёнку, не переносящему фрустрацию, труднее перенести и амбивалентность к другу, который его только что фрустрировал. Ребёнку без стабильного постоянства объекта труднее найти волю выстоять, когда он один, вне родительского взгляда. Именно это переплетение объясняет, почему латентность, на первый взгляд узкая фаза развития, несёт в себе столь большую часть психической архитектуры.

Трудолюбие против неполноценности: узел интеграции

Erikson (1950) назвал этот кризис развития трудолюбием против неполноценности. Интересно, что в повседневной речи для противоположности трудолюбия мы используем выражение «лень». Но само слово лень несёт моральный оттенок, который затемняет то, что на самом деле происходит. Ребёнок, которому не удаётся развить трудолюбие, редко переживает себя как ленивого, морально ущербного, не готового приложить усилие. Он переживает себя как не доросшего, структурно неспособного вынести то, что от него требуется, независимо от прилагаемого усилия. Это различие не только терминологическое: лень мы видим как выбор, который можно исправить решением приложить больше усилий; недорослость – это недостаток способности, который решение само по себе не исправляет.

Как мы предложили, три дополнительные теоретические линзы можно читать как три описания одного и того же процесса, увиденного с трёх разных точек. Кохутовский декатексис грандиозности описывает этот процесс через судьбу нарциссизма: ребёнок в латентности упражняется в том, чтобы пережить удар по собственному грандиозному образу себя, поражение, критику и сравнение со сверстниками, которые лучше, так, чтобы этот образ не распался на фрагменты. Кляйнианская интеграция агрессии и либидо описывает тот же процесс через судьбу объекта: ребёнок в латентности упражняется в том, чтобы перенести, что один и тот же учитель, один и тот же родитель, один и тот же друг одновременно любит и фрустрирует, без расщепления на полностью хорошую и полностью плохую фигуру. Также ребёнок учится не расщеплять образ себя при встрече со своими ограничениями: трудолюбие предполагает, что мы продолжаем стараться и пробовать даже после неудачных попыток. Несколько неудач не означают абсолютной неполноценности, а быть плохим в чём-то – первый шаг к тому, чтобы стать хорошим в чём-то. Эго-психологическая синтетическая функция описывает тот же процесс через судьбу действия: ребёнок упражняется связать внутреннее желание с внешним ограничением в один, целостный акт, идущий к реальной цели, вместо того чтобы оставаться разорванным между желанием и правилом.

Эта формулировка меняет и клиническую картину того, что мы называем чувством неполноценности у взрослого клиента. Клиент, говорящий в терапии «я никогда не был достаточно хорош», редко описывает одну, изолированную неудачу; он описывает хроническую неспособность интегрировать неудачу, критику или сравнение в собственный нарратив без фрагментации самости. Когда ограничение угрожает самости, вместо того чтобы быть лишь информацией о текущем состоянии навыка, единственной доступной защитой становится либо полное избегание экспонирования, снаружи похожее на скромность или отсутствие амбиций, либо компульсивное, маниакальное достижение, которое никогда не позволяет себе момента реальной, печальной, но выносимой неудачи. Трудолюбие в полном смысле – это не отсутствие неудачи, а способность допустить, чтобы неудача произошла, была прочувствована и интегрирована, а ребёнок при этом всё же остался в игре.

Ребёнок может выйти из периода латентности с реальным, устойчивым чувством компетентности (трудолюбие) или с одним из двух искажений, хроническим избеганием экспонирования или компульсивным, никогда не достаточно хорошим достижением. Следующий раздел показывает, почему здоровый исход развития латентности сегодня менее надёжен, чем во времена Freud. Некогда ребёнок

должен был интегрировать ограничения перед одним, целостным мерилom ценности, тогда как сегодня он делает это перед несколькими, взаимно противоречивыми системами ценностей.

Проблема фрагментированного культурного идеала

Freud представлял латентность как период успокоения влечений, который требует предсказуемого окружения и последовательных правил. Sarnoff (1976) точно именует это требование как работу латентности: латентность – не пассивная передышка, а активная психическая работа, которую ребёнок должен выполнить, и эта работа возможна лишь в достаточно надёжном окружении, защищённом от сексуальной и агрессивной гиперстимуляции. Современный ребёнок вместо такого затишья получает постоянную гиперстимуляцию: медиа, социальные сети и популярная культура непрерывно подстёгивают сексуализацию, агрессию, потребление и соревновательную логику и тем самым откладывают или нарушают развитие сублимации и интеллектуального любопытства. Могга (2020) описывает современные семьи как гиперстимулирующие и «текущие» в собственной структуре и ролях, неспособные освободить ребёнка от эдипальных и доэдипальных привязанностей, именно той функции, которую должен был бы выполнить отец как третий. Когда эта работа латентности не совершается, ребёнка выталкивает к раннему, нестабильному процессу подросткового возраста, выстроенному, как это описывают Denis (2003) и Guignard (2011), на зыбучем песке, без стабильной внутренней структуры, которая могла бы этот процесс поддерживать. Пронизывающее присутствие цифровых устройств, если оно не сопровождается руководством взрослых, становится одним из главных источников этой гиперстимуляции у детей латентного возраста (Bergès-Bouanes и Forget, 2017). Семьи часто хаотичны и непоследовательны, а более широкая система ценностей противоречива: то, что взрослые продвигают как идеал (хороший ученик, послушный ребёнок, ответственность), сталкивается с тем, что вознаграждает группа сверстников, популярностью, трансгрессией, нарушением правил. В социальных сетях это противоречие дополнительно усиливается, ребёнка одновременно призывают быть «зубрилой» и «крутым», послушным и бунтарским, моральным и прагматичным.

Эмпирический материал даёт этому осторожную рамку: мета-анализ 87 исследований со 159 425 детьми (Eirich et al., 2022) находит СЛАБУЮ, но значимую и корреляционную (не причинную) связь более длительного экранного времени с проблемами в поведении у детей до 12 лет ($r \approx 0,11$ для экстернализирующих, $r \approx 0,07$ для интернализирующих; авторы прямо предупреждают, что связь не следует читать как причинную). Для латентности теоретически более релевантен предложенный механизм: экраны могут вытеснять сон, движение, социальный обмен и учение – именно те виды деятельности, через которые ребёнок строит компетенции и культурный идеал. Влияние цифрового мира именно на ранний латентный период подробно рассматривает Meersand (2017).

Jovanović (2024a) прослеживает это изменение через концепцию вертикального бессознательного. В отличие от горизонтального бессознательного, организованного вокруг подавления как доминирующего механизма, вертикальное бессознательное покоится на расщеплении и атомизации, новых защитных механизмах, приводящих к состоянию, в котором сознательные части ума остаются

взаимно несвязанными. Ребёнок, подвергнутый перегрузке внешними стимулами, информационными, технологическими, сексуальными, развивает не одно, целостное эго, интегрирующее опыт, а эго, функционирующее в параллельных, слабо связанных сегментах: версия себя, существующая для родителей, версия для учителей, версия для сверстников вживую и версия для анонимной или полуанонимной аудитории в сети редко встречаются в одном, рефлексивном сознании, которое их сравнивало бы и согласовывало. Jovanović и Stevanović (2024) прослеживают параллельное изменение на стороне супер-эго: путь от неврозов конфликта викторианской эпохи, в которых эго страшилось строгого, моралистического супер-эго, через нарциссическую культуру с нарциссическим эго-идеалом, к перверзной культуре, в которой супер-эго, по их словам, разрушено, а эксплуатация другого и втягивание другого в собственную эксплуатацию становятся новонормальным состоянием ума.

Эти две работы, читаемые вместе, дают более точный язык для того, что мы описали как различие между эго-идеалом и культурным идеалом. Ребёнок в латентности, по классической модели, строит один культурный идеал, который приходит через семью как её первого представителя, и этот идеал, каким бы строгим или мягким, каким бы индивидуалистически или коллективистски окрашенным он ни был, остаётся одним, внутренне целостным.

Franić и Günter (2010) показали эту культурную окрашенность эмпирически: в исследовании с 41 ребёнком в Германии и 41 в Бразилии (Franić, 2005) немецкие дети и родители были организованы вокруг модели индивидуальной компетентности (самостоятельность, личное достижение), бразильские – вокруг модели семейной идеализации (солидарность, социальная эмпатия). Наиболее поразительный результат: переменная «смелая самость», родительское поощрение ребёнка к смелости и принятию риска, имела противоположные эффекты в каждой культуре, у бразильских детей связана с большей социальной эмпатией, у немецких – с большей тревожностью. Один и тот же родительский поступок, иными словами, не несёт одного, универсального психического значения, а преломляется через культурную матрицу ребёнка. Если уж один, целостный культурный фильтр столь резко различается по переработке одного и того же сигнала, трудно представить, что происходит с ребёнком, который должен одновременно перерабатывать четыре фильтра, семейный, школьный, сверстнический и цифровой, которые взаимно противоположны. Следует подчеркнуть, что это исследование показывает вариацию культурного идеала между двумя средами, а не фрагментацию внутри одного ребёнка; его перенос на ситуацию одновременных, противоречивых мерил у одного и того же ребёнка представляет собой теоретическое предположение настоящей работы, а не прямой эмпирический результат.

Потребности развития детей в латентном периоде

Чтобы латентный период выполнил свою функцию, ребёнку нужны пять условий в окружении, отсутствие которых прямо объясняет фрагментацию, описанную в предыдущем разделе: (1) стабильность и предсказуемость, надёжное, структурированное окружение с последовательными взрослыми фигурами (Morra, 2020); (2) ясные, последовательные границы, которые теперь являются не только запретами, как в эдипальной фазе, но и рамками для действия, и которые, когда они противоречивы между домом, школой и интернетом, оставляют ребёнка без ориентира; (3) групповую принадлежность и культурную встроенность, согласие или несогласие между семейной культурой и культурой более широкого сообщества, которое прямо определяет, насколько легко ребёнок интернализирует чувство принадлежности, острее всего у детей из мигрантских семей (Franiesk и Günter, 2010); (4) структурированные поля компетентности, школу, спорт и игру как арены, где энергия сублимируется в состязание и знание; и (5) аффективную доступность родителей, эмоциональный якорь, сопровождающий первые успехи и неудачи ребёнка во внешнем мире. Когда эти условия выполнены, агрессивные и сексуальные влечения сублимируются в учение, игру и исследование, формируется здоровый эго-идеал и культурный идеал, которые друг друга не исключают; их отсутствие ведёт к различным паттернам патологического развития, в зависимости от того, какое условие более всего отсутствовало.

Патологическое развитие в латентной фазе

Freud (1905, 1923) видит неудачу латентности как следствие недостаточно стабильных границ и неполного подавления: влечение остаётся сырым и прорывается через отыгрывание, агрессивность или неадаптированное сексуальное поведение. Erikson (1950, 1963) распределяет эту неудачу на два полюса: малодезадаптация возникает, когда окружение чрезмерно подчёркивает достижение, ребёнок развивает гиперинтеллектуализацию и компульсивное достижение, эмоциональную жизнь подавляет через рационализацию и жёсткость. Anna Freud (см. Sandler и Freud, 1985) видит раннюю интеллектуализацию в латентности как тревожный знак возможной шизоидной структуры; Morra (2020) нюансирует эту оценку через случай Филипа, девятилетнего мальчика из глубоко нарушенной семьи, который рано спросил терапевта «Всемогущ ли Бог? Если да, то он зол», а после восемнадцати месяцев работы дошёл до вопроса о собственной смертности. Согласно толкованию Morra, это раннее философствование было не защитой, заменяющей чувство, а попыткой ребёнка переработать аффект на символическом уровне, возможной именно потому, что у него был терапевт, который прослеживал его эмоциональное значение: одно и то же, на первый взгляд тревожное, явление может быть и симптомом, и знаком того, что ребёнок строит способность мыслить то, что иначе должен был бы эвакуировать через поступок.

В рамках более широкой, ещё неопубликованной теоретической работы по характерологии ОЛИ интегративной психодинамической психотерапии мы предлагаем рабочую гипотезу, что малигнитет и дезадаптация организуются в узнаваемую сеть латентных подтипов, от инертно-уходящих до грандиозных виртуозных паттернов, связанных тем, что мы называем тринарной схемой воли (Jovanović, 2013): дефицит воли говорит «не могу», ригидная воля – «должен», зрелая воля – «выбираю». Эту сеть мы здесь лишь анонсируем, не как

подтверждённую классификацию, а как предложение, разработанное в упомянутой работе.

Исключение составляют истерические характеры, которые обычно не развивают ни одного из этих подтипов, а показывают недостаток латентной консолидации вообще, поскольку латентность прервана пубертатной сексуальностью прежде, чем рабочие эго-функции успели укрепиться. Этот результат напоминает, что фрагментация культурного идеала не единственный путь к неполной консолидации: у этих характеров эдипальная тема остаётся доминирующей организующей силой.

Проблема латентности даёт нам и лучшее понимание известных расстройств личности из классификации DSM. Обсессивно-компульсивное расстройство личности есть крайняя форма того, что должно было быть выстроено, ригидная добросовестность и потребность в контроле (Freud, 1908) – в терминах ОЛИ, дефицит толерантности к амбивалентности, где человек компульсивным контролем упраздняет амбивалентность, вместо того чтобы её интегрировать. Избегающий паттерн возникает, когда ребёнок интернализирует хроническое чувство неполноценности и страх перед оценкой сверстников – дефицит инициативы, где человек всю жизнь организует вокруг избегания сцены, на которой могло бы произойти сравнение. Расстройства спектра нарциссизма возникают, когда не происходит адекватного распределения нарциссической энергии между эго-идеалом и культурным идеалом (Franiack и Günter, 2010) – дефицит толерантности к нарциссическим фрустрациям, где грандиозность остаётся сырой и зависимой от непрерывного внешнего подтверждения.

Эти категории не всегда чисты; ребёнок часто несёт комбинацию дефицитов, особенно когда подвергается несогласованной семейной и более широкой культуре вследствие миграции или социальной маргинализации, где хроническое чувство непринадлежности накладывается на депрессивные тенденции и спутанность идентичности. Anna Freud (1936) и Hartmann (1939/1958, 1964) добавляют здесь важное замечание: способности к учению, концентрации и выполнению задач, то, что они называют рабочими эго-функциями, суть центральные способности, которые строятся в латентности, и их дефицит редко остаётся изолированным на одной, чистой диагностической категории, а проходит через несколько из них одновременно.

Клиническая иллюстрация

Следующее описание композитно и анонимизировано, составлено так, чтобы иллюстрировать динамику, описанную в предыдущих разделах, а не представлять одного, узнаваемого человека.

Клиентке немногим более пятидесяти лет, и она занимает руководящую позицию в технологической компании. Она обратилась на терапию, поскольку рассматривает уход из корпоративного мира в самостоятельное консультационное предпринимательство. О себе она говорит, что склонна «нагромождать на себя» и что её сопровождает хронический вопрос «достаточно ли я хороша», несмотря на то что в карьере она давно себя проявила; самостоятельная работа означала бы, что она должна сама себе доказывать ценность, без института, который эту подтверждённость доставляет через титул и зарплату.

Её опыт латентности несёт именно ту двойственность, которую мы описали. Ребёнком она дружила со старшими детьми, стараясь их догнать; когда она их

превосходила, учительница говорила перед классом «если та, младшая, может, почему вы не можете?». Её усилие не было видно ни в одной ситуации, поскольку и догоняние, и превосходство подразумевались, не замечались как продвижение. Это порочный круг, в котором невидимость усилия, вместо того чтобы обесмыслить его, лишь его укрепляет.

Та же динамика прорывается и на семейных летних отпусках: она предпочла бы сидеть на пляже, но почти всегда участвует в активном отдыхе с подростками, потому что ей кажется, что она что-то упускает. В работе мы пришли к различию между «я это могу, но не хочу» и «я это могу, и потому должна, чтобы показать, что могу» – второе есть ранковская (Rank, 1936) добросовестность долга в чистом виде, акт, который выглядит как свободный выбор, а на деле есть доказывание перед внутренним судом, который не принимает отказ как легитимный ответ.

Фразу «мог бы, только не хочет» мы обычно связываем с незрелым гневом зависимых структур, которые ещё не переживают объект как ограниченный; созревание предполагает сдвиг к «не может, и это печально, у всех нас есть границы». У этой клиентки та же фраза сегодня стоит перед ней с другой стороны: как мать она должна быть той, кто без вины говорит «я могла бы нырять с вами, но не хочу», не чувствуя, что кому-то что-то отнимает. Та же способность сказать «я могу, но выбираю иначе» без потребности оправдать это доказательством есть и то, чего ей недостаёт, чтобы решение об уходе из корпоративной рамки принять как свободный выбор, а не как ещё одно поле, на котором она должна заранее доказать успех, прежде чем попытаться.

Терапевтические импликации

Когда взрослый клиент несёт неразрешённую проблему школьного двора, терапевтическая работа нацелена на три способности, которые мы можем рассматривать иерархически: каждая более высокая способность покоится на основании предыдущей, более низкой способности.

Распознавание противоречивых внутренних голосов. Первая задача терапевта не в том, чтобы сразу искать одно ясное мерило за неуверенностью клиента, а в том, чтобы помочь клиенту идентифицировать и распознать несколько разных, часто противоположных внутренних голосов, каждый из которых сформирован в другом сегменте латентного периода. У клиентки из предыдущего раздела один голос требует догнать старших детей, другой требует их превзойти, третий говорит ей, что её вид «женской» компетентности не является настоящей ценностью в «мужском» инженерном мире. Пока эти голоса бессознательны и непризнаны, они действуют как один, монолитный суд, «ты никогда не достаточно хороша». Лишь когда они разделены и поименованы по отдельности, клиент может оценить каждый сам по себе, вместо того чтобы терпеть их как единый, неоспоримый приговор. Целостность объекта и толерантность к амбивалентности суть ключевые способности, которые должны вынести этот процесс.

Распознавание голосов само по себе не освобождает клиента от потребности удовлетворить каждый из них. У клиентки из предыдущего раздела мы замечаем потребность быть достаточно хорошей и для старших детей, и для учительницы, и для инженерной культуры, которая её вид компетентности не распознаёт как ценный. Присутствует фантазия о собственном совершенстве, которое одновременно угодило бы каждому из этих голосов, что в реальности невозможно.

Терапевтическая работа здесь нацелена именно на эту фантазию: то, что Kohut называет декатексисом грандиозности, есть постепенное изъятие нарциссической инвестиции из идеи, что существует одно, окончательное мерило, которое заставило бы умолкнуть все голоса, и её перенаправление в реальную, но ограниченную амбицию. У клиентки это яснее всего видно в различии между «я должна доказать» и «я могу, но не хочу»: первая фраза всё ещё ищет одобрения голосов, вторая больше не ищет ничего, поскольку ценность больше не зависит от того, заметил ли кто-то другое усилие. Лишь когда эта потребность в подтверждении ослабевает, открывается пространство для следующей задачи: теперь, когда нам больше не нужно доказывать ценность ни одному отдельному голосу, мы можем попытаться соединить разные ценности, за которые ратуют разные голоса, в один, целостный образ себя. Иными словами, необходимо, чтобы клиент в достаточной мере развил толерантность к фрустрации нарциссических потребностей, прежде чем перейти на следующий уровень.

Синтетическая функция Hartmann, которую мы описали как способность связать внутреннее желание с внешним ограничением в целостный акт, в терапии получает новое применение: вместо того чтобы соединять желание с ограничением в одной задаче, клиент учится соединять несколько конфликтующих идентичностных требований в один, выносимый образ себя. Цель – интеграция, в которой компетентность и принадлежность, академический успех и гендерная роль, усилие и его признание могут сосуществовать, так чтобы одно не должно было победить другое.

Построение собственного, интегрированного культурного идеала. Последний и самый требовательный шаг – чтобы клиент, часто впервые в жизни, сознательно выбрал, по какому мерилу он хочет себя измерять, вместо того чтобы принимать унаследованное мерило как данность. Этот шаг на практике редко происходит через инсайт сам по себе; он происходит через повторяющееся упражнение в реальных, повседневных ситуациях, именно тех, которые изначально сформировали проблему. У клиентки это означало буквально произнести фразу «я могу, но не хочу» в семейном контексте и остаться в собственном теле, пока приходит реакция окружения, вместо того чтобы автоматически уйти в доказывание. В таксономии терапевтических целей ОЛИ ИПП этой проработкой и упражнением фразы «я могу, но не хочу» развивается свободная воля через эксплицитную толерантность к чужому разочарованию. Клиент знает, что его поступок, возможно, обманет чужое ожидание, и остаётся присутствующим с неловкостью, которая следует, вместо того чтобы избежать её заранее или компенсировать последующим чрезмерным усилием. Терапевт здесь не предлагает нового, более правильного мерила, которое должно было бы заменить старое; терапевт держит пространство, в котором клиент открывает, что отказ не обязательно влечёт наказание и что ограничение не обязательно сопровождается виной.

Эти три уровня следуют порядку, установленному через работу. Сначала проверяются и укрепляются целостность объекта и толерантность к амбивалентности (Klein, Segal). На этом основании можно далее работать над постепенным декатексисом грандиозности (Kohut), чем развивается толерантность к фрустрации нарциссических потребностей. В конце синтетическая функция эго (Hartmann), применённая ко всей идентичности, укрепляет зрелую волю.

Целостность объекта и толерантность к амбивалентности строятся повторной проработкой депрессивной позиции перед новыми вызовами культуры, чтобы самость и объект могли быть увидены как достаточно хорошие несмотря на противоречивые требования той же, фрагментированной культуры. Декатексис грандиозности дополнительно освобождает клиента от потребности в постоянном чужом подтверждении, через развитие реального самоуважения и амбиций, чем укрепляется толерантность к фрустрации нарциссических потребностей. На повседневном языке клиент принимает и переносит, что миру угодить невозможно. Синтетическая функция позволяет клиенту удовлетворить свои потребности влечений через волевое действие, согласованное с аспектами культуры, которые для него значимы, что приносит чувство компетентности: «Я могу функционировать в этой культуре или сообществе. Я достаточно хорош, я способен трудолюбиво учиться и овладевать навыками, значимыми для моей жизни, и делаю это в согласии со своими талантами и пределами, внутри важных для меня сообществ, к которым чувствую, что принадлежу». Вопросы латентности, вопросы принадлежности культуре, вклада в сообщество и собственной ценности внутри сообщества остаются присутствующими на протяжении всей жизни. Овладение сублимацией всегда актуальная задача, которую терапия может продолжить там, где развитие, из-за фрагментированного окружения, остановилось.

Заключение

Латентность – это не пауза в развитии и не холостой ход перед подростковым возрастом. Это период, в котором ребёнок строит два ответа, один на вопрос, насколько он ценен, а другой на вопрос, где он принадлежит. Классический фрейдовский образ, теория объектных отношений, эго-психология и психология самости описывают, каждый своим языком, один и тот же узел развития: способность упражнять и поддерживать сублимацию несмотря на ограничения и неудачи. К некоторым вещам мы талантливы и трудолюбиво развиваем этот талант; в других мы неполноценны, но через усилие становимся лучше настолько, насколько требует жизнь; а в некоторых остаёмся неполноценными, и это нормально, потому что не все мы должны быть хороши во всём, так же как выдающийся спортсмен не обязан быть и выдающимся математиком. Большинство из нас чувствовали бы себя неполноценными перед задачей полёта в космос, но это не значит, что мы не инициативны, продуктивны и компетентны в тех сферах, которые мы сами выбрали как важные.

Эта задача развития всегда была требовательной. Время Freud предлагало ребёнку, хотя бы в принципе, одно, целостное мерило, по которому эта задача решалась. Сегодня ребёнок редко имеет эту опору. Семья, школа, группа сверстников и цифровой мир предлагают параллельные, часто конфликтующие мерилы, и ребёнок должен интегрировать не одно ограничение, а несколько, взаимно противоречивых требований, прежде чем вообще дойдёт до вопроса, «достаточно ли он хорош». Вертикальное бессознательное и фрагментация супер-эго, которые Jovanović и Stevanović описывают в современном культурном контексте, формируют повседневный опыт ребёнка в классе и во дворе и оставляют

след, который терапевт встречает десятилетиями позже, у на первый взгляд успешного, компетентного взрослого клиента, который всё ещё не знает, по какому мерилу себя измерять. (Это утверждение следует понимать как гипотезу, а не как установленный исторический факт: и Вена времён Freud была культурно разнородной. То, что здесь утверждается, есть относительное увеличение числа и взаимной противоречивости мерил, которым подвергается современный ребёнок.)

Настоящая работа – попытка вернуть латентность в центр внимания как живой, активный процесс, который продолжает разворачиваться или остаётся незавершённым и во взрослом возрасте. Дальнейшее исследование могло бы эмпирически проверить, в какой мере фрагментация культурного идеала коррелирует со специфическими ОЛИ компетенциальными дефицитами и ускоряет ли терапевтическая работа, эксплицитно нацеленная на синтетическую функцию, применённую к идентичности, как здесь предложено, интеграцию лучше, чем подход, нацеленный на отдельные симптомы. До тех пор остаётся, чтобы каждый терапевт, встречаясь с собственной проблемой школьного двора клиента, распознал, что важно проработать спутанность, возникающую, когда клиент пытается оценить себя по нескольким взаимно конфликтующим критериям.

Reference

- Andreas-Salomé, L. (1962). The dual orientation of narcissism. *Psychoanalytic Quarterly*, 31, 1–30.
- Bergès-Bounes, M., & Forget, J. M. (2017). Les écrans de nos enfants [Our children's screens]. *Ères*.
- Bion, W. R. (1977). *Seven servants: Four works*. Jason Aronson.
- Chasseguet-Smirgel, J. (1975). *The ego ideal: A psychoanalytic essay on the malady of the ideal*. Norton.
- Denis, P. (2003). Quelle latence pour les enfants d'aujourd'hui? [What kind of latency period for today's children?]. *Neuropsychiatrie de l'Enfance et de l'Adolescence*, 51, 288–291.
- Eirich, R., McArthur, B. A., Anhorn, C., McGuinness, C., Christakis, D. A., & Madigan, S. (2022). Association of screen time with internalizing and externalizing behavior problems in children 12 years or younger: A systematic review and meta-analysis. *JAMA Psychiatry*, 79(5), 393–405. <https://doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2022.0155>
- Erikson, E. H. (1950). *Childhood and society*. Norton.
- Erikson, E. H. (1963). *Childhood and society* (2nd ed.). Norton.
- Franieck, M. L. (2005). Mental representations of parents and family structure of first grade elementary school children from two countries–Brazil and Germany: Similarities and differences [Doktorska disertacija]. Univerzitet u Tbingenu.
- Franieck, M. L., & Günter, M. (2010). *On latency: Individual development, narcissistic impulse reminiscence and cultural ideal*. Karnac Books.
- Freud, A. (1936). *The ego and the mechanisms of defence*. Hogarth Press.
- Freud, S. (1905). Three essays on the theory of sexuality. *Standard Edition*, 7, 123–246.
- Freud, S. (1908). Character and anal erotism. *Standard Edition*, 9, 167–176.
- Freud, S. (1914). On narcissism: An introduction. *Standard Edition*, 14, 67–102.
- Freud, S. (1916–1917). Introductory lectures on psycho-analysis. *Standard Edition*, 15–16.
- Freud, S. (1921). Group psychology and the analysis of the ego. *Standard Edition*, 18, 65–143.
- Freud, S. (1923). The ego and the id. *Standard Edition*, 19, 1–66.
- Freud, S. (1926). Inhibitions, symptoms and anxiety. *Standard Edition*, 20, 75–176.

- Freud, S. (1927). The future of an illusion. Standard Edition, 21, 1-56.
- Freud, S. (1930). Civilization and its discontents. Standard Edition, 21, 57-145.
- Freud, S. (1933). New introductory lectures on psycho-analysis. Standard Edition, 22, 1-182.
- Gilmore, K. (1990). Aggression and sadism in children: Developmental considerations. *Psychoanalytic Study of the Child*, 45, 77-102.
- Green, A. (2001). Life narcissism, death narcissism. Free Association Books.
- Guignard, F. (2011). Réflexions d'une psychanalyste sur l'enfant dans la société occidentale aujourd'hui [A psychoanalyst's reflections on children in today's western society]. In F. Castarède (Ed.), *L'image et la pensée [Image and thinking]*. Érès.
- Hammerman, S. (1965). Conceptions of superego development. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 13, 320-355.
- Hanly, C. (1984). Ego ideal and ideal ego. *International Journal of Psychoanalysis*, 65, 253-261.
- Hartmann, H. (1939/1958). Ego psychology and the problem of adaptation. International Universities Press. (Originalno objavljeno 1939)
- Hartmann, H. (1964). Essays on ego psychology. International Universities Press.
- Jones, M. (1953). The therapeutic community: A new treatment method in psychiatry. Basic Books.
- Jovanović, N., Kontić, A., Senić, R., & Jovanović, S. (2013). Sposobnost za ljubav i rad: O.L.I. integrativna psihodinamska psihoterapija [The capacity for love and work: O.L.I. integrative psychodynamic psychotherapy] (Tomovi 1-2). Beoknjiga.
- Jovanović, N. (2024a). Vertikalno nesvesno i novi mehanizmi odbrane / Vertical unconsciousness and new defense mechanisms. *Insights: Journal of the European Association for Integrative Psychodynamic Psychotherapy*, 1, 49-74. ISSN 3042-3341 (Online).
- Jovanović, N., & Stevanović, A. (2024). Promene u super egu savremenog čoveka / Transformations of the superego in contemporary individuals. *Insights: Journal of the European Association for Integrative Psychodynamic Psychotherapy*, 1, 76-101. ISSN 3042-3341 (Online).
- Klein, M. (1935). A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states. *International Journal of Psychoanalysis*, 16, 145-174.
- Klein, M. (1940). Mourning and its relation to manic-depressive states. *International Journal of Psychoanalysis*, 21, 125-153.
- Klein, M. (1957). Envy and gratitude: A study of unconscious sources. Tavistock Publications.
- Knight, R. (2014). A hundred years of latency: From Freudian psychosexual theory to dynamic systems nonlinear development in middle childhood. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 62(2), 203-235. <https://doi.org/10.1177/0003065114531044>
- Kohut, H. (1971). The analysis of the self. International Universities Press.
- Kohut, H. (1977). The restoration of the self. International Universities Press.
- Linehan, M. M., Armstrong, H. E., Suarez, A., Allmon, D., & Heard, H. L. (1991). Cognitive-behavioral treatment of chronically parasuicidal borderline patients. *Archives of General Psychiatry*, 48(12), 1060-1064. <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1991.01810360024003>
- Linehan, M. M. (1993). Cognitive-behavioral treatment of borderline personality disorder. Guilford Press.
- Loewald, H. W. (1962). The superego and the ego ideal: II. Superego and time. *International Journal of Psychoanalysis*, 43, 264-268.
- Maroudas, C., Wiseman, H., & Harel, J. (2023). The 'wave-particle' child: Reconnecting the disconnect in the concept of latency. *Journal of Child Psychotherapy*, 49(3), 412-431. <https://doi.org/10.1080/0075417X.2023.2216320>

- Meersand, P. (2017). Early latency and the impact of the digital world: Exploring the effect of technological games on evolving ego capacities, superego development, and peer relationships. *The Psychoanalytic Study of the Child*, 70(1), 179–194.
<https://doi.org/10.1080/00797308.2016.1277883>
- Morra, P. (2020). Some thoughts on the "new" latency age: Normality and psychopathology. *International Forum of Psychoanalysis*, 29(3), 175–179.
<https://doi.org/10.1080/0803706X.2019.1691261>
- Novick, K. K., & Novick, J. (2005). *Fearful symmetry: The development and treatment of sadomasochism*. Jason Aronson.
- Rank, O. (1936). *Will therapy*. Knopf.
- Reich, A. (1954). Early identifications as archaic elements in the superego. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 2, 218–238.
- Rosenfeld, H. (1987). *Impasse and interpretation*. Tavistock.
- Sandler, J., & Freud, A. (1985). *The analysis of defense: The ego and the defense mechanisms revisited*. International Universities Press.
- Sarnoff, C. A. (1976). *Latency*. Jason Aronson.
- Segal, H. (1957). Notes on symbol formation. *International Journal of Psychoanalysis*, 38, 391–397.
- Winnicott, D. W. (1960). The theory of the parent-infant relationship. *International Journal of Psychoanalysis*, 41, 585–595.

Abstract

In classical psychoanalytic literature, the latency phase is described as a period of drive sublimation and relative quiescence preceding adolescence. This paper proposes that latency is, at its core, a period in which the child builds an answer to two questions – where do I belong, and by what standard am I worthy – and that this process becomes harder to accomplish in contemporary culture when, instead of one coherent cultural ideal, the child receives contradictory standards from family, school, the peer group, and the digital world. The paper links the classical Freudian picture of latency with object relations, ego psychology, and self psychology, systematically threading them through the model of eight basic developmental competencies of personality (OLI IPP), and shows, through the lens of Erikson's industry-versus-inferiority axis, how three seemingly different processes converge: Kohut's decathexis of grandiosity, the Kleinian integration of aggression and libido, and the ego-psychological synthetic function – all of which, at bottom, describe the same capacity: to tolerate an encounter with a present limitation (momentary inferiority) without a collapse of sublimation, so that one can keep trying and still see oneself as competent even when something is not going well. From this theoretical framework, the paper draws concrete therapeutic implications for work with adult clients who carry unresolved "schoolyard problems," illustrated through a composite clinical vignette.

Keywords: latency, industry, cultural ideal, basic developmental competencies, self psychology, ego ideal, OLI integrative psychodynamic psychotherapy